

Сов. культура. 1943 год. Заур

ТЕЛЕВИЗИОННОЕ объединение «Экран» выпускает фильм о прославленных танцовщиках, солистах балета Большого театра Союза ССР, народных артистах РСФСР — лауреате премии Ленинского комсомола Екатерине Максимовой и лауреате Ленинской премии Владимире Васильеве. Зрители увидят их в танце и в «черновиках» экзерсисов, разминок, репетиций — в той непрерывной ежедневной работе, которая и составляет жизнь артистов балета. Сквозным действием в фильме проходит сочинение танца на музыку восьмого скрипичного концерта Торелли, где Владимир Васильев выступает как балетмейстер.

...Пока все отдельно: музыка в ленте маленького магнитофона и трое — Екатерина Максимова, Владимир Васильев и Валерий Лагунов. Им предстоит создать то, чего нет, сотворить на наших глазах танец... Они для этого и пришли сегодня утром в репетиционный зал. Впрочем, их рабочий день начался раньше — в «классе». Какого бы ранга танцовщик ни был, с какой бы поднебесной легкостью ни танцевал (техники, кажется, и нет — один воздух танца!), утром у него «класс», обязательный, как восход и заход солнца. Положенная норма прыжков, верчений, сгибаний и полатов под акцентированный с музыкой счет: и раз! и два! и три!

У «палки» — Майя Плисецкая, Владимир Васильев, Михаил Лавровский, Марис Лиепа — лауреаты Ленинской премии. Урок ведет Асаф Михайлович Мессерер.

— И раз! И два! И три!

И лишь после «класса», когда мускулы разогрелись и повеселели, можно начинать работу — сочинять, репетировать, выступать.

...Репетиция начиналась, пожалуй, с минут уединения. Васильев, созидательный дух сегодняшнего действия, скинув халат и оставшись в черном трико, садится на скамейку спиной к огромному, во всю стену зеркалу, а стороне ото всех. Он включает тихонько свой магнитофон и слушает — это его минуты сосредоточения, когда все, что не музыка, не танец, должно уйти, ожидание того особенного состояния, той внутренней чуткости, того чистого равновесия — меж музыкой и ее пластическим образом, меж музыкой и телом...

Торелли, семнадцатый век. Радостное серебро скрипок. Васильев протягивает к магнитофону руку: кажется, он нащупал нить ритма, за которую можно вытянуть всю пластическую вязь. Он напрягается, вслушиваясь, взглядываясь в этот выплывающий из музыки танец. И отстраняется почти в изнеможении. Найденное — лишь черновик, лишь вариант...

Максимова сидит поодаль, пришивает ленты к туфлям. Халат наброшен на плечи, ноги вытянуты, вся поза полна отрешенности, покоя. Рядом с ней темень, грудка туфель — розовых, атласных, пять-шесть пар, которые к концу репетиции будут разбиты буквально «вдрызг». Ва-

лерий Лагунов разминается у «палки». Он уже работал с Васильевым, когда родился «Икар», собственно, и был открыт им тогда, артист великолепных сценических данных, до этого занимаемый в театре лишь в эпизодах... И теперь вновь Васильев ставит «на него» (танцовщик всегда мечтает, чтобы ставили «на него!»). Минуты для себя перед вступлением в репетицию, перед предстоящим трудом и мукой трах ее часов...

Но вот Володя громче включает магнитофон: теперь Торелли слышат все. Он выходит на середину зала и говорит:

Васильеву, «сбоку тайца», эти муки балетмейстерства? Ему мало своей же собственной жизни балетного артиста? И не просто артиста — премьер-ра!

Как бесконечно длинен список ролей, станцованных ими, Максимовой и Васильевым, в Большом театре и на лучших сценах мира! Выдающиеся балетмейстеры Касьян Голейзовский, Леонид Яковсон, Юрий Григорович ставили «на них» и для них. Выдающиеся артисты Галина Уланова, Елизавета Гердт, Алексей Ермолаев, Асаф Мессерер изо дня в день шлифовали их дарования,

А он — он хочет проникновения в свои замыслы и послушания. Но вдруг чересчур послушный «материал» начинает действовать ему на нервы. Он сердится, мучится фальшью, которая заметна лишь ему. И тогда «глина» сама обретает волю и дух и диктует свои условия не менее властно. Кажется, не выходит ничего!

— А если так? — Володя притягивает к себе Катю, которая устало и обиженно сопротивляется. — Я над ней склоняюсь, а дальше пируэт! — И он показывает, как он склоняется и как дальше пируэт. И все смотрят на себя в дальнее зеркало. И вдруг чувствуют: найдено! Ведь вот, когда, казалось, — немота, бессилие, открылось вдруг «кровотечение звука» — и пошел танец...

Васильев, ликуя, вскидывает руки: «Хорошо!» Репетиция продолжается.

— Хореографией, постановочной работой я хотел заняться давно. Вернее, со школьной скамьи, — рассказывает Владимир Васильев. — Но так удачно сложилась жизнь в театре, что все время были новые роли и просто не хватало времени, чтобы заняться балетмейстерством. А потом люди тоже бывают разные: некоторые, несмотря ни на какие препятствия, упрямо идут к своей цели и добиваются своего. А других надо постоянно подталкивать. Мне кажется, я отношусь ко вторым. И не будь у нас главным балетмейстером Юрий Николаевич Григорович и не подтолкнул он меня к первой моей работе — к «Икару», может быть, я до сих пор оставался бы со своими мечтами. А он взял и бросил меня в омут хореографии... И вот, когда я уже поварился в этом соку, я могу сказать, что, несмотря ни на что, буду ставить. Меня радует сам процесс сочинения. И не знаю, что мне ближе — работа исполнителя-танцовщика или хореографа? Нельзя сказать, что я не думаю о результате. Думаю! Но больше всего мне нравится работа с исполнителями. Вот эти поиски вариантов, неудачи, находки... Думаешь над этим днем, за рулем, за тарелкой супа, когда просто идешь по улицам... Думаешь над этим ночью, когда голова раскалывается от усталости. Засыпаешь на обрывке какой-то мысли... Кажется, вот найдено решение, наконец. А утром встаешь и понимаешь, что все это ерунда. Бывают просто отчаянные дни, когда не получается абсолютно ничего. И тебе кажется, что ты не только не можешь заниматься этой работой, но и не должен. Потому что тебя уже не только не понимает исполнитель, но — что самое страшное! — бывают минуты, когда ты и сам не знаешь, чего хочешь. А потом проходит день-два, и вдруг в уме мелькает какая-то цепочка, ты ухватываешься за нее, и вновь пошла работа.

...Все, даже самое прекрасное, имеет конец. Сотворение танца на музыку Торелли тоже. Наши герои надевают свои серебристые парики и осыпанные блестящими костюмы и одаривают нас радостью, чтобы мы не забывали, сколько хорошего отпущено нам судьбой и какими мы можем быть счастливыми.

«Ну, поехали!» Теперь то, что увидел в музыке постановщик, должны увидеть и они, исполнители.

Максимова первой начинает вариацию.

— Вот уже что-то получается... Первая фраза!

Максимова останавливается.

— Рука! С рукой что делать? Васильев протанцовывает

передавая им всю огромность и неповторимость традиции русского классического балета. Традиции же эти не только в филигранной чистоте движений, в невозможном совершенстве техники, но в высоком искусстве — танцем, пластикой нести мысль и чувство так отчетливо, будто это выговорено словом. Выше, труднее ничего нет в искус-

Рена ШЕЙКО

сам эту первую фразу. Да, алишня рука — куда ее девать? Пробуют и так, и этак. Наконец руке подыскивается место. Следующая фраза...

Максимова повторяет ее на середине зала, взглядывая на себя сбоку в зеркало. И, не нравясь себе, снова останавливается.

— То, что получается у тебя, — говорит она Володе, — у меня не получается. То, что ты считаешь логичным, я считаю нелогичным.

— Ну, послушай музыку! — кричит он ей. — Послушай!

Репетиция накаляется гневом и взаимным непониманием. Магнитофон то включается, то выключается. От этих тормозов и рывков божественные скрипки Торелли становятся адскими, терзающими нервы. Летят фразы, непонятные, как иероглифы.

Глядя на это со стороны, думаешь: полноте, да как они выкарабкаются из помарок и черновиков, из этих бесконечных вариантов, в которых тонет, кажется, гармония композиции Торелли! Ведь десять минут танца — это миллион таких хореографических «фраз», миллион оттенков состояний, настроений...

И спрашивается, зачем ему,

ве балета. А без этого балет мертв.

Что бы они ни танцевали — классических принцев или принцесс, изысканных канонических па, или высшее свое достижение — «Спартак», все пласты, всю множественность человеческой сути, они всегда гадают прежде всего себя. Содержание своей личности. Вечные истины — через единственность своего «я» и времени. И свое время — через вечные истины.

Доступно это лишь мастерам, все тайны, всю магию и все секреты своего условнейшего искусства познавших... Единственный в своем роде дуэт. Гармония противоположностей. Лирика и сила. Ренуарские полутона и русская яркость. Девочка и Герой. Максимова и Васильев.

Вот Васильев ходит по залу и лепит, кажется, из тела танцовщиков, как скульптор из глины. Лицо Максимовой во взлете, в воздухе. Прекрасное, размытое в музыке, бесконечно усталое лицо. И Валерий Лагунов прыгает с адским напряжением. Ведь ставит танец Васильев! И требования его могут выполнить лишь виртуозы. Но и виртуозы устают...

Handwritten signature or initials.